

Ольга Александровна Ладыженская

П.З. Мкртычян

Ольга Александровна Ладыженская, выдающийся математик и незаурядный Человек и Гражданин, не раз достаивалась пера профессиональных писателей; в частности, ей посвящала стихи великая Анна Ахматова, с которой её связывали долгие годы дружбы. Но и нам, ученикам и коллегам, кому выпало счастье быть близко знакомыми с Ольгой Александровной, учиться у неё математике, ежедневно получать уроки нравственности, принципиальности и гражданственности, хотелось бы поделиться воспоминаниями о ней.

Заслуги Ольги Александровны в области математики хорошо известны широкой математической общественности, так же, как и её вклад в подготовку научных и педагогических кадров. А читателям, далёким от математики, перечисление многочисленных достижений в теории уравнений с частными производными будут непонятны. Поэтому представляется разумным остановиться на сугубо личных воспоминаниях о некоторых эпизодах общения с Ольгой Александровной, которые, как мне кажется, очень точно и красочно характеризуют её как человека.

Мать Ольги Александровны, Анна Михайловна, как-то поведала мне такую забавную историю. Когда Анна Михайловна была беременна третьим ребёнком, её супруг и свёкор горячо спорили о том, как назвать ребёнка: один из них хотел, чтобы ребёнка назвали Геннадием, другой же настаивал, чтобы ребёнка назвали Иваном. В результате родилась третья дочь Оля, которой было суждено прославить род Ладыженских на весь мир!

Любовь к математике дочерям привил отец, архитектор по образованию, преподававший математику в школе в Кологриве. Старшие сёстры, Мария и Татьяна, тоже стали преподавателями математики.

После того, как отец был репрессирован, семье довелось столкнуться с большими трудностями и лишениями. Ольге Александровне, ещё будучи школьницей, пришлось давать уроки математики.

Фантастическое трудолюбие было присуще ей до последних дней жизни. Подавляющее большинство из нас живёт нормальной жизнью, отдавая часть времени работе, часть – семье и досугу. Для Ольги Александровны служение науке было формой существования, занимавшей все двадцать четыре часа в сутки. Как-то она говорила мне: «Многие ошибочно полагают, что лучше всего думается во время прогулок. Это неверно. Лучше всего думается во сне».

Так получилось, что в годы учёбы в аспирантуре я снимал квартиру в пятнадцати минутах ходьбы от дома Ольги Александровны. Поскольку мне не нужно было торопиться на транспорт, уходя от неё, обучение меня

премудростям математики порой затягивалось далеко за полночь. И в любое позднее время ей звонили по разным поводам коллеги без всяких извинений за столь поздний звонок. Я как-то спросил, существует ли верхний предел, до которого ей можно звонить. Она ответила, что верхнего предела не существует, но существует нижний, до которого ей нельзя звонить.

Как мне рассказывала Ольга Александровна, в пятидесятишестидесятилетие, годы самой плодотворной научной деятельности, она не позволяла себе приобрести телевизор, дабы не тратить на него драгоценное время.

Будучи одержима наукой, тем не менее Ольга Александровна была человеком с необъятными интересами в области музыки, литературы, живописи, истории. Сама неплохо рисовала, по-видимому, унаследовав это у брата своего деда, Геннадия Ивановича Ладыженского, известного российского художника. Очень интересовалась животным и растительным миром.

Большинство людей живёт с жизненным кредо «А почему я?». Ольга Александровна же была верна девизу «А кто, если не я?», всегда готовая прийти на помощь.

Долгие годы Ольга Александровна оказывала материальную помощь своему школьному учителю в Кологриве. Организовала сбор средств для лечения в Германии своего ученика В.Я. Ривкинда.

После разрушительного землетрясения в Армении Ольга Александровна перевела значительную сумму в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

Перед самой защитой диссертации Л.В.Капитанский получил повестку о призыве в армию. Ольга Александровна ходила в военкомат хлопотать за него, при этом удостоилась довольно бесцеремонного отношения к себе. К счастью, вопрос тогда разрешился благоприятным образом.

Когда на старости лет стала нуждаться в опеке мать безвременно ушедшего из жизни ученика Ольги Александровны К.К. Головкина, О.А. организовала постоянную помощь друзей.

В жуткие девяностые годы Ольга Александровна ходила с карманами, набитыми мелочью, и раздавала нищим. В те годы она строжайше запретила знакомым дарить себе цветы.

Первые полгода обучения в аспирантуре я ездил с Ольгой Александровной в университет на её лекции. Однажды, будучи направленным по разнарядке на овощную базу, я позвонил О.А. предупредить, что по этой причине не поеду с ней в Петергоф. Ольга Александровна мгновенно отреагировала: «Так у вас здесь и одежды

подходящей, наверное, нет. Если бы я знала, я бы вам привезла с дачи». Вопреки расхожему мнению о том, что великие учёные не вникают в мелкие бытовые проблемы окружающих, Ольга Александровна являлась примером обратного.

Когда я в 1993 году позвонил Ольге Александровне и сообщил ей, что я приехал в Санкт-Петербург навсегда, то она сразу сказала: «Значит, вас нужно устраивать на работу». Я даже не успел её попросить об этом. И через несколько дней вопрос был решён. Б.А. Пламеневский, тогдашний заведующий кафедрой высшей математики СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, верный слову, данному Ольге Александровне, разрешал при моём трудоустройстве проблемы, связанные с отсутствием у меня тогда регистрации и российского гражданства. А уходя через год на другую работу, порекомендовал меня с ещё не до конца разрешенными проблемами своему преемнику, Л.М. Баскину, поставив его в известность, что меня рекомендовала О.А. Ладыженская. Я и поныне работаю в СПбГУТ, за что всю жизнь благодарен и Ольге Александровне, и Борису Алексеевичу с ныне, увы, покойным Львом Марковичем.

Должен отметить, что с проблемой регистрации, которая возникла неожиданно для меня в связи с рядом обстоятельств, тоже очень помогла Ольга Александровна, попросив свою сестру, Татьяну Александровну, временно зарегистрировать меня в своём доме до разрешения моих неурядиц.

Будучи человеком бесстрашным и обладая твердым характером, Ольга Александровна часто заступалась за людей, впавших в немилость у властей и начальства, в том числе и по политическим причинам. А это порою было небезопасно для её собственного благополучия.

Ольгу Александровну очень интересовали всякие необъяснимые явления, и она верила в чудеса. Долгие годы она была знакома с народной целительницей Нинелью Сергеевной Кулагиной, опекала её и старалась способствовать тому, чтобы её необыкновенные способности служили во благо людям. В те годы экстрасенсы подвергались гонениям, и шарлатанов среди них было гораздо меньше, чем сейчас.

Работая над этими воспоминаниями, я обнаружил в Интернете некоторые материалы о Н.С. Кулагиной, в том числе и видеоматериалы. Там есть как сведения о её необыкновенных способностях, так и обвинения в шарлатанстве, вплоть до обвинений в присвоении чужих боевых наград. Обвинения основывались на том, что в шестнадцатилетнем возрасте она не могла служить санитаркой в армии. Впрочем, есть видео, в которых свидетели военных лет опровергают эти обвинения. Все эти материалы в Интернете может найти каждый. Я же хочу рассказать о том, что знаю со слов Ольги Александровны. Она мне рассказывала, что физики измеряли поля вокруг Кулагиной. О.А. же пристраивала её к врачам лечить

неизлечимо больных. Н.С. Кулагина вылечила от гангрены близкого друга Ольги Александровны, Соломона Давыдовича (к сожалению, не знаю его фамилии), лечить которого уже отказались врачи, и который лежал неподвижно пластом. «Видите, как он теперь бегают», – говорила мне Ольга Александровна. Она водила Кулагину к Владимиру Ивановичу Смирнову, страдавшему опоясывающим лишаем. Н.С. Кулагиной удавалось снять боль у Смирнова, но это ей стоило таких усилий, что она периодически теряла сознание. Ольга Александровна приводила её в чувство нашатырным спиртом, и та продолжала врачевать В.И. Смирнова.

В перестроечные годы японские кинодокументалисты сняли двухчасовой фильм о Н.С. Кулагиной.

Ольга Александровна не любила хвалебных речей в свою честь. Я же, как человек, воспитанный за армянским столом, верный его догматам, считал невозможным в праздник или в день рождения О.А., будучи приглашённым ею, не произнести тост (не просто – будьте здоровы) за неё. При этом всегда было очевидно, что говорю искренне, от души, без всякой лести. Но каждый раз Ольга Александровна начинала отшучиваться, иронизировать, перебивать.

Однажды в библиотеке ереванской школы, в которой моя мама работала директором, библиотекарь обнаружила тоненькую книжечку в мягкой обложке под названием «Сто великих математиков», в которой была глава, посвященная Ладыженской. Библиотекарь принесла книгу маме, мама – домой, я вскоре привёз её Ольге Александровне в полной уверенности, что доставлю ей этим удовольствие. К моему великому удивлению, она отнеслась к этому с полным равнодушием, поморщилась и сказала: «Да, да ... Припоминаю, приходил когда-то один такой. Я его быстро спихнула маме. Даже не знаю, что она ему наговорила. Включили главу обо мне, как о женщине».

Ольге Александровне не нужно было восхваления со стороны окружающих, не нужна была популяризация её имени. Ей нужно было признание её научных достижений мировым математическим сообществом. И она этого добилась!

Постоять за себя в науке ей приходилось, и она умела это делать. Как-то, рассказывая мне о суровых нравах, царящих на семинаре И.М. Гельфанда, Ольга Александровна говорила, что там было в порядке вещей выхватить мел из рук докладчика и начать доказывать, что всё изложенное докладчиком является тривиальным, либо вовсе неверно. И добавила: «Но у меня они мел отобрать не сумели».

Ольга Александровна была доступна для общения, и общение с ней происходило легко и непринуждённо. Бывало, перед тем, как мне выйти из дому, чтобы направиться к ней, она звонила и просила по пути купить ей

пару пачек сигарет «Петровских». Я приносил сигареты, клал ей на стол и говорил: «Курите на здоровье, Ольга Александровна, если так можно выразиться, конечно». Она в ответ по-доброму улыбалась. Между прочим, курила она не из баловства, а, как она утверждала, из-за того, что у неё было пониженное давление, и когда она его курением повышала, то голова работала лучше. Следует отметить, что когда врачи настоятельно рекомендовали ей не курить, то она сразу решительно отказалась от курения.

Как-то по возвращении от Ольги Александровны жена мне сказала: «Ты себя вёл возмутительно». Я не понял, в чём это проявилось. Жена объяснила: «Ты с ней спорил». Никакого жаркого спора, конечно, не было. Была беседа на политические темы, и каждый высказывал своё мнение. Жена моя относилась к О.А. с таким почтением и благоговением, что была убеждена, что высказывание мнения, отличного от мнения Ольги Александровны, является неприличным. Я же, относясь к О.А. с не меньшим почтением и благоговением, был приучен к тому, что Ольга Александровна с уважением относится к праву другого высказывать своё мнение, может уважать это мнение, оставаясь при своём.

О.А. интересовалась очень многим. Несмотря на свою чрезмерную занятость, старалась быть в курсе, в частности, политических новостей. У меня сложилось такое впечатление, что Ольга Александровна умела безошибочно определять, кто в каком вопросе должен был быть осведомлён. Помню, она меня спрашивала о проекте конституции Российской Федерации перед её принятием, и я, действительно, достаточно подробно был знаком с ним и вполне толково изложил основные положения будущей конституции.

Ольга Александровна всегда была в курсе театральных новостей. Следила за появлением молодых выдающихся оперных голосов. Помню, как она делилась со мной своими восторженными впечатлениями об уже оставшихся на Западе танцовщиках Р. Нурееве и М. Барышникове, которых она запомнила с самых дебютов.

У Ольги Александровны были зоркий глаз и хорошая память на всё примечательное. Как-то после моего возвращения осенью в (тогда ещё) Ленинград она рассказывала, как в сопровождении Варги Калантарова путешествовала по Азербайджану из Баку в Дашкесан. Я сказал: «Значит, вы проезжали деревню Бананц, откуда родом мои прадеды и прабабушки с отцовской стороны», – и немного обрисовал её. И Ольга Александровна вспомнила: «Да, да, помню. Она мне запомнилась очень интересными архитектурными решениями». Бананц – это древнее армянское село, находящееся в Дашкесанском районе. Президенты Армении приносят присягу на Библии, когда-то хранившейся в церкви Бананца. Шоссейная дорога у самого въезда в село пересекает реку и дальше продолжается по

склону живописного ущелья, противоположному тому, на котором расположено село. С шоссейной дороги открывается величественная панорама на село. Сады селян в основном находятся поодаль от села, по ту сторону ущелья, по которой проходят шоссейная и железная дороги. А их дома, порой прилепленные друг к другу, находятся на лысом, местами скалистом склоне. И там, действительно, приходилось прибегать к необычным, оригинальным архитектурным решениям. Меня поразило, что проехав более четырёхсот километров через десятки населённых пунктов, даже не заезжая в Бананц, а наблюдая его с противоположного склона ущелья, Ольга Александровна заметила и запомнила своеобразность этой деревни. Разумеется, нет сомнения, что она заметила и запомнила все примечательное на всём пути.

Ольга Александровна могла великодушно простить непроизвольно допущенную по отношению к ней по глупости небольшую бестактность. Мне до сих пор стыдно за то, что я после одной из её лекций, на которые ездил с ней в университет, спросил, по какой книге она читает лекции. Я, конечно, имел в виду её книги, но вопрос все равно был нелепым. Нисколько не возмущившись, Ольга Александровна спокойно ответила: «Из головы». Только потом, когда мне, заурядному доценту, стало затруднительно ответить какому-либо студенту на вопрос, в какой книге можно прочесть рассказанный мной материал в таком изложении, мне стало понятно, насколько бестактен был мой вопрос творцу науки.

Доброта, снисходительность, великодушие Ольги Александровны заканчивались там, где начиналась математика. Они мгновенно сменялись на требовательность и принципиальность, а порою и на беспощадность. Многие из нас знают такие примеры, связанные как с собой, так и с другими. Как-то Варга Калантаров очень метко выразился: «Добрая, добрая, но как дело доходит до математики, сразу по морде дает». Именно поэтому у тех, у кого отношения с Ольгой Александровной носили сугубо деловой характер и ограничивались только математикой, рассказы о ней в духе моего повествования, приведённого выше, вызывали и вызывают удивление и некоторое недоверие.

Однажды скороговоркой я рассказал Ольге Александровне об одном своём результате, который на первый взгляд казался неожиданным. Ей не понравилось, как легкомысленно я доложил о своём результате, и она сурово сказала: «Слушайте! Я в это не верю». Пришлось изложить доказательство более обстоятельно.

Ольга Александровна была во всех отношениях настолько незаурядной личностью, что её влияние на мировоззрение всех тех, кому приходилось с ней тесно общаться, не могло не быть значительным и

весомым. Будучи хорошо знакомым с её учениками старшего поколения и наблюдая их несколько десятилетий, могу отметить, что и Нине Николаевне Уральцевой, и Всеволоду Алексеевичу Солонникову, и Александру Васильевичу Иванову присущи такие черты, как доступность для общения и простота в общении, исключительная порядочность и деликатность, уважительное отношение к людям. Конечно, каждый из них – крупная, незаурядная, своеобразная личность. Конечно, каждый человек прежде всего воспитывается своими родителями. Безусловно и то, что подбирая себе учеников, О.А. помимо их математических способностей учитывала и их человеческие качества. Но частица Ольги Александровны в них заметна, как и во всех нас.

Я должен оговориться, что меня Ольге Александровне выбирать не пришлось – она была «обречена» принять меня таким, какой я есть, поскольку я был прислан в целевую аспирантуру. Но хочется верить, что очень щепетильный во всех вопросах Р.А. Александрян, бывший в конце семидесятых годов прошлого столетия заведующим отделом дифференциальных уравнений Института математики Академии Наук Армянской ССР, друживший с Ольгой Александровной несколько десятилетий и почитавший её, рекомендуя меня О.А., учитывал, подхожу ли я ей по своему воспитанию. Будучи инициатором моего поступления в аспирантуру к Ольге Александровне, Рафаэль Арамович сыграл судьбоносную роль в моей жизни, за что я ему всю жизнь очень благодарен. Увы, Рафаэля Арамовича не стало в 1988 году. Светлая ему память.

Не могу в воспоминаниях об Ольге Александровне не посвятить хотя бы несколько благодарных строк Александру Васильевичу Иванову, поскольку для меня они являются составляющими единого целого.

Ольга Александровна осуществляла общее, стратегическое руководство мною, а конкретными задачами, по её замыслу, мы занимались с Александром Васильевичем. Общение практически в ежедневном режиме скоро превратилось в искреннюю и прочную дружбу. Александр Васильевич стал для меня старшим товарищем, с которым мы не только обсуждали математические задачи, которыми занимались, но и делились самым сокровенным. Доброжелательность, исключительная порядочность этого интеллигентного и душевного человека располагали к предельной откровенности и открытости в общении с ним. К величайшему сожалению, наша дружба прервалась на двадцать шестом году в связи с безвременной кончиной этого светлого и тёплого человека. Как рыдала Ольга Александровна на его похоронах ... Держалась, держалась – и не выдержала.

Повторюсь, в Ольге Александровне уживались исключительная требовательность в том, что касалось математики, с теплотой и душевностью к своим ученикам и вообще к людям.

Было присуще Ольге Александровне и чувство благодарности и признательности за самую малость, за самую незначительную услугу и заботу о ней, за любое внимание, оказанное ей.

О.А. чтит память тех, кто оказал влияние на её становление как математика и как гражданина. Свою монографию «Математические вопросы динамики вязкой несжимаемой жидкости» она посвятила своему отцу, Владимиру Ивановичу Смирнову и Жану Лерэ.

К Владимиру Ивановичу Ольга Александровна относилась с особым почтением и благоговением. Его фотопортрет был выставлен в её книжном шкафу. Как-то она мне говорила: «Когда у меня возникали затруднения, я брала стопку книг и ехала к Владимиру Ивановичу».

После кончины Владимира Ивановича Ольга Александровна взяла на себя нелёгкий труд редактирования, переработки и дополнения шестого издания второй части четвёртого тома классического труда В.И. Смирнова «Курс высшей математики».

У Ольги Александровны не было своей семьи и своих детей. Это тоже был её осознанный выбор, подобный упомянутому мной отказу от телевизора. Ничто не должно было отвлекать от служения науке. Но Ольга Александровна души не чаяла в своих племянниках, племянницах и их детях, проявляла всяческую заботу о них. Много сделала для них и в материальном плане, и в плане их образования и общего развития. Да и мы все, имеющие честь принадлежать к созданной ею математической школе, являемся в очень большой степени её детьми и внуками.

Ольга Александровна является тем камертоном, по которому следует настраивать свою совесть. Нравственная планка для всех нас поднята ею на очень большую высоту, и нам, совершая поступки, в непростых ситуациях для принятия решения полезно задумываться, как бы поступила в подобном случае она.

В заключение я бы хотел вспомнить тот скорбный январский день 2004 года, когда мы провожали в последний путь Ольгу Александровну.

Ольга Александровна Ладыженская была и остаётся великим математиком. Но великого математика можно похоронить траурно-торжественно, со всеми подобающими почестями, воздав должную дань уважения достижениям и заслугам, но обойтись без слёз. А в тот день было настоящее всеобщее людское горе с морем искренних человеческих слёз.

Вечная и светлая память дорогой и любимой Ольге Александровне.